

АЛЕКСАНДР
РОМАНЕНКО

КИТАЙ

*у русских
писателей*

Весь мир

Сборник

Китай у русских писателей

«Алисторус»

2022

УДК 329
ББК 66.2

Сборник

Китай у русских писателей / Сборник — «Алисторус»,
2022 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-581-6

Китай – одна из древнейших мировых цивилизаций, наш великий сосед на протяжении уже почти четырехсот лет. Страна, от отношений с которой во многом зависит будущее России. А между тем мы крайне мало знаем о нем. Такое впечатление, будто Китай и китайцы – персона нон грата для современной российской печати. Но так было не всегда. На протяжении XIX–XX веков многие русские писатели и публицисты посвящали свои строки этой восточной стране. В данной книге собраны многие произведения русских и советских писателей о Китае. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 329

ББК 66.2

ISBN 978-5-00180-581-6

© Сборник, 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Бликий и далекий мир	6
Н. Спафарий	13
Из «Путешествия в Китай»	14
Петр Чаадаев	23
Из 6-го «Философического письма»	24
О. Иакинф (Н. Бичурин)	25
Из книги «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»	26
О. Сенковский	33
Из статьи «Китай и китайцы»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Данилович Романенко

Китай у русских писателей

© Романенко А.Д., составл., вст. ст., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Ближкий и далекий мир

В этой книге собраны записи русских писателей о Китае. За триста с небольшим лет (если вести отсчет с книги Николая Спафария – 1678 г.) в этой стране побывало немало русских литераторов, прозаиков и путешественников, публицистов и романистов, поэтов, переводчиков и журналистов. Иные из них, по собственной или по чужой воле, прожили в Поднебесной империи и Китайской республике долгие годы и даже десятилетия, другие побывали проездом в сравнительно недолгих и ограниченных морских или сухопутных странствиях, в новое время чаще – в официальных делегациях и творческих командировках. В любом случае поездка в Китай становилась *событием*, подлинным открытием, каждым для себя и каждым по-своему, нового, необычного, яркого и живописного мира, столь отличного от привычных понятий и форм.

Многие русские писатели оказывались очевидцами (а то и деятельными участниками) сотрясавших и потрясавших страну событий – восстаний, кровопролитных войн и междоусобных конфликтов, иноземных вторжений и боевых столкновений, которые были столь часты в китайской истории XIX – XX вв., и их свидетельства становились затем ценным историческим документом.

В результате этих путешествий на страницах русской прессы, а затем и отдельными изданиями появлялись путевые журналы, дневники, хроникальные ежедневники с огромным историко-познавательным материалом, возникали книги очерков, публицистических статей, обзоров и обзоров; в немалом числе рождались и художественные, беллетристические произведения – романы, повести, рассказы о жизни Китая и китайцев, какими их увидели или вообразили себе их авторы.

Но помимо политических событий и бытовой экзотики русских мыслителей и художников глубоко интересовала духовная жизнь страны, ее конфессии, истоки и развитие ее философии, ее поэзии, эстетика ее искусства и быта, ее историческое созидание в самых разных областях жизни помимо традиционного пороха, книгопечатания и компаса, с которыми принято было отождествлять в веках развитие научного интеллекта китайского народа.

Многие из русских писателей – Радищев, Чаадаев, Пушкин, Белинский, Вл. Соловьев, Ушинский, Л. Толстой, Бальмонт, Блок, Гумилев, Волошин, Ахматова – никогда не бывали в Китае, но в их философских, нравственных, поэтических исканиях и размышлениях, в системе их творческого миропознания Китаю неизменно принадлежало важное место, обретая ту или иную, более или менее глубокую, более или менее частую, но почти постоянно присутствующую форму. Как, впрочем, и у многих других русских художников, обращавшихся к китайским темам...

Да и государственные люди России, начиная с московских царей и императора Петра Великого, канцлеры и министры, конечно, далеко не все, но среди них были «понимавшие в своем деле»; например, С. Лукич-Владиславич (Рагузинский), А.Р. Воронцов, М.М. Сперанский, Н.П. Игнатьев, Е.В. Путятин, Н.Н. Муравьев-Амурский, С.Ю. Витте с неизменным вниманием и дальновидным интересом относились к китайским, политическим и торговым делам, к проблемам взаимоотношений между двумя нашими государствами.

В новую, большевистскую эпоху, в 20—60-е гг. XX в., о Китае в России думали, говорили и писали едва ли не все, кто так или иначе в определенный период оказывался причастен к «большой политике» и выступал творцами мировой истории: В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, К.Б. Радек, К.Е. Ворошилов, А.С. Бубнов, М.И. Калинин, как и миллионы их последователей и единомышленников. Их теоретические рассуждения и практические действия оказывались разными, подчас слишком разными, тра-

гически разными, и это оставляло свой след и на сочинениях русских литераторов, писавших о Китае... Писавших тем не менее с огромным интересом и горячим дружеским чувством.

О Китае на русском языке вообще написано очень много. Монументальная российская «китайская» библиография, с тщательным вниманием составленная несколько десятилетий назад советским ученым *П.Е. Скачковым* (1892–1964), в наши дни теперь буквально ежегодно новыми, последующими поколениями отечественных китаеведов пополняется десятками научных и популярных книг, статей и диссертаций, посвященных самым разным сторонам жизни Китая в прошлом и настоящем. Двадцать первый век после бурных, противоречивых, а подчас и кровопролитных конфликтов, которыми изобильно отмечено двадцатое столетие, позволил открыть новые страницы в тысячелетней истории великой страны, приподняв завесы над многими политическими и дипломатическими тайнами недавней эпохи, ее интригами, внешними и внутренними противоречиями и столкновениями. Открылись архивы нового времени в самом Китае, в Соединенных Штатах, в России – ценнейший источник познания, своего рода историческое зеркало, в котором теперь почти без искажений и грима отразились подлинные лица и деяния многих актеров и кукловодов мирового театра. Появились воспоминания активных участников исторических спектаклей, ожили в документах образы, казалось бы, на веки веков преданных анафеме деятелей, преступников или героев. Вновь и вновь оживает история, бесконечная, волнующая, как многие ежевечерние спектакли на сцене классического китайского театра. И для нас, ближайших соседей, свидетелей и участников многих событий, снова и снова открывается Китай в воспоминаниях и памяти людей уже далеких эпох, в наблюдениях и впечатлениях современников. И снова и снова, как бывало не раз на протяжении веков, задумываешься над тем, как недостаточно и поверхностно мы знаем эту великую страну, как неполно, а порой превратно представляем себе историческую жизнь и нынешнюю повседневность ее народов, понимаем глубинные законы, в поколениях управляющие этим огромным, не знающим себе равных, неповторимым миром. И он, этот нелегко познаваемый во всех своих противоречиях мир, влечет к себе с неослабевающей силой, заставляя с головой погружаться в волны исторического бытия Китая, в его тревоги и заботы дней нынешних и дней минувших...

В этой книге представлена читателю только часть, правда, немалая, сочинений русских писателей, литераторов и журналистов о Китае – с 1675 по 2005 г., т. е. за три столетия. Самая первая «ропись» – отчет о путешествии в Китай томского казака *Ивана Петлина* – относится к 1618 г. В XVII столетии было составлено еще несколько «статейных списков» российских представителей об их миссиях в Поднебесную империю¹.

Миссии эти, как и посольство *Николая Спафария* в 1675–1678 гг., большей частью оказывались неудачными с точки зрения тогдашней прикладной, сиюминутной политики. Богдыханы маньчжурской (Цинской) династии свысока относились к посланцам российских царей, требуя каких-то территорий, возвращения каких-то беглецов, выплаты каких-то даней и неукоснительно строгого исполнения всех обычаев и обрядов принятого вассального церемониала, в чем русские представители справедливо усматривали унижение достоинства своего монарха. Однако отчеты российских посланцев, каким бы недолгим и ограниченным ни было их пребывание в стране, все-таки оказывались полезны, хотя до Спафария они составлялись людьми грамотными и, по-видимому, толковыми (недаром эти записи переводили в Европе), но вовсе не литературными. Высокообразованный молдавский дипломат, обладавший незаурядным литературным дарованием и зорким глазом, оказался автором первого в России подробного описания Китайского государства. Его книга сохранила свою свежесть и по сей день, не говоря уж о ее важности для исторической науки.

¹ См.: *Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников*. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966; *Ф.И. Покровский*. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. СПб., 1914.

Среди авторов этого нашего издания, в разные годы, с разными целями и задачами, с разным видением и пониманием окружающего побывавших в Китае, были люди фундаментальной специальной образованности, создатели и основоположники русской синологии как науки о Китае, ученые, но вместе с тем и высокоодаренные литераторы, поэты, переводчики, художники по своему мироощущению и мировосприятию, для которых Китай являлся воплощением своего рода универсального мирового духа. Были прирожденные путешественники, странствователи по призванию, ведомые охотой к перемене мест, для которых поездка была открытием нового мира, полного острой экзотической необычности. Были воины и революционеры, прежде всего исполнявшие свой воинский или революционный долг и, может быть, помимо собственной воли подчинившиеся обаянию Китая. Наконец, уже в новое время были люди, по разным причинам попавшие в страну, прожившие в ней долгий ряд лет и воспринимавшие ее как вторую родину.

Конечно, каждый был представителем своей эпохи, своего собственного общества и государства со всеми их житейскими понятиями и политическими предрассудками. У каждого были свои глаза. Но какова бы ни была всякого рода предварительная внутренняя «заданность» или настроенность приезжего гостя (а она всегда неизбежна в любом путешествии, каковы бы ни были его опасения), сколь бы ни была необычна и чужда открывавшаяся его взору обстановка, сколь бы ни были тягостны или, порой, опасны разнообразные ситуации, в которые этот гость попадал или мог попасть, страна и ее народ, ее пейзажи и ее постройки, ее обычаи и привычки, стиль и колорит ее жизни невольно покоряли, обогащая глаз, душу и разум. И для писателя, художника, для ученого, чье жизненное призвание в конечном счете, собственно, и заключается в открытии и постижении нового мира и человека внутри него, поездка в Китай становилась по-своему изумительной, единственной в своем роде, ни с чем не сравнимой. Воспоминание о ней оставалось на всю жизнь, побуждая рассказать об этой необычной стране другому, близкому или далекому во времени и пространстве соотечественнику и собеседнику.

Отношения России с Китаем в течение последних трехсот лет не всегда были безоблачными. Бывали периоды конфронтации, напряжения, сложностей в торговле, даже вооруженных столкновений. В 70—80-е гг. XIX в., например, всерьез поговаривали о войне с Китаем, и знаменитый полковник Генерального штаба *Н.М. Пржевальский* составлял записки о наиболее перспективных направлениях боевых действий, уничижительно оценивая тогдашние китайские вооруженные силы². И в XX в. случалось всякое.

Например, 20 августа 1929 г. ЦИК и СНК СССР после серии нападений и обстрелов советской территории даже приняли решение «О прекращении сношений Союза ССР с Китаем». Осенью 1929 г. легендарному и в СССР и в Китае маршалу *В.К. Блюхеру* пришлось отбивать попытки вторжения милитаристов в Приморье и Забайкалье. Уже на нашей памяти – сложные годы политического недружелюбия 2-й половины XX в.

Однако не это было главным, не это преобладало. Преобладал глубокий, внутренний интерес значительной части русского общества к стране многовековой богатейшей культуры в самых высоких творческих проявлениях ее национального духа. И не случайно *Н.И. Новиков* в своих «Трутне» и «Пустомеле» в 1770 г. печатал переводы с китайского и маньчжурского *А.Л. Леонтьева* (1716–1786), а *Л.Н. Толстой* (словно подводя итог своим многолетним размышлениям о Китае) в 1906 г. писал «Письмо к китайцу», не говоря уж о *Пушкине* и *Белинском* с их постоянным вниманием к сочинениям *о. Иакинфа*, *о Гончарове*, первым из русских писателей «приплывшим» (в разгар восстания тайпинов) в Гонконг и Шанхай, о «Фарфором павильоне» *Гумилева* и блистательных переводах *Ахматовой* и *Перелешина* из китайских классиков. И, между прочим, в России постепенно сложилась блистательная академическая школа синологов, писателей и переводчиков во главе с *В.П. Васильевым* (XIX в.) и *В.М. Алексеевым* (XX в.),

² См.: «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб., 1883, вып. 1.

из которой вышли такие талантливые ученые-филологи и литераторы, как *Н.А. Невский*, *Ю.К. Щуцкий*, *Б.А. Васильев*, погубленные в 30-е гг., как и многие другие их товарищи и коллеги.

Здесь не место говорить о советских и русских ученых-китаеведах, синологгах, которые, несмотря на всякого рода исторические и внеисторические препятствия, во 2-й половине XX – нач. XXI в. проделали огромную работу по изучению и осмыслению исторического опыта Китая, традиций его культуры, его состояния и его потенциальных возможностей. Труды поколений, прежде всего историков, политологов и экономистов, но и литературоведов, переводчиков, языковедов (часто это соединялось в одном лице, да и разделить это трудно), художников, деятелей театра замечательны сами по себе своим материалом и своим содержанием и важны для мировой науки и мирового сообщества, несмотря на то что некоторые из них были подчинены и обуславливались определенными и, как показывает сама История, сиюминутными, ошибочными действиями и побуждениями отдельных лиц. Однако о русских ученых-синологгах разговор особый...³

В XIX в. появилось несколько фундаментальных описаний путешествий в Китай и по Китаю, которые получили признание и нашли своего читателя не только в России, но и в европейских странах, хотя далеко не все из их авторов были профессиональными литераторами, но, как говорится, людьми пера, обладавшими навыками ведения путевых дневников. Журналисты в нынешнем смысле слова, более или менее постоянные корреспонденты, появились несколько позднее на фоне грозных для Китая событий конца XIX – нач. XX в. Начало традиции было заложено талантливыми русскими миссионерами, членами и руководителями Российской духовной миссии в Пекине (открылась в 1715 г.), архимандритами *Иакинфом (Бичуриным)* и затем *Палладием (Кафаровым)*, чьи оригинальные и переводные сочинения и статьи (как и некоторых их коллег), по существу, впервые открывали российскому читателю близкий и далекий мир, отдельные стороны которого были известны, вероятно, лишь сибирским купцам, с перебоями, но в целом довольно устойчиво торговавшими с Китаем. Проблемы «китайского торгу» в XVIII в., как, впрочем, и много позднее, интересовали и *гр. А.Р. Воронцова*, в те поры президента Коммерц-коллегии и затем канцлера, вкупе с его другом и подзащитным *А.Н. Радищевым* («Письмо о китайском торге», 1792, и в переписке с графом), и ссыльного (в Сибири 15 лет) латинянина-хорвата *Юрая Крижаньча* (ок. 1618–1683), с которым на пути в Китай в Тобольске встречался и беседовал по этим предметам Николай Спафарий.

Кстати еще о двух югославянах на русской службе, имевших отношение к Китаю. В октябре 1727 г. дубровчанин (рагузинец) *Савва Лукич-Владиславич* от имени российского правительства подписал в Кяхте известный договор о русско-китайской границе и торговле между двумя странами. Обширный отчет С. Рагузинского об этой его миссии, задуманной еще Петром, с интересом был прочитан в Петербурге в том числе, по-видимому, и императрицей Анной Иоанновной. В 1753–1756 гг. в Китае жил врач Петербургской АН *Франц Елачич*, командированный для восполнения уничтоженных при пожаре 1747 г. в Кунсткамере ценных коллекций и собрания книг на китайском языке. В Пекине Елачич уже побывал в 1744 г., и ему предстояло приехать сюда в третий раз в 1762-м.

В XIX в. русско-китайские контакты и связи в целом значительно обогатились и углубились. В середине века (1855) создан восточный факультет в СПб. университете, сыгравший, в частности, свою роль в подготовке китаеведов, тибетологов, монголоведов, маньчжуроведов. С этим факультетом, как и с Азиатским музеем, с Эрмитажем, с Библиотекой Академии наук, связано возникновение замечательной школы русских петербургских востоковедов (академики *В.Р. Розен*, *В.В. Бартольд*, *Б.А. Тураев*, *С.Ф. Ольденбург*, *П.К. Коковцов*, *И.Ю. Крачковский*,

³ См.: *Д.И. Воскресенский*. Переводы и исследования китайской литературы в Советском Союзе // Проблемы Дальнего Востока. М., 1981, № 4.

Б.Я. Владимирцов, позже *В.В. Струве*, *Н.И. Конрад*). На этом факультете долгие годы работали великие русские китаисты академики *В.П. Васильев* и *В.М. Алексеев*.

В течение почти всего XIX в. в России, помимо сочинений оо. Иоакимфа и Палладия, выходили основанные на личном опыте, многотомные книги и солидные статьи о Китае: *Е.Ф. Тимковского* (1824), *Е.П. Ковалевского* (1853), *М.И. Венокова* (1874), *К.А. Скачкова* (1875), *П.Я. Пясецкого* (1880). В 1858 г. отдельным изданием вышел «Фрегат «Паллада» *И.А. Гончарова*, главы которого были посвящены и китайским портам.

В 1860 г., после подписания Пекинского трактата, открылось российское посольство в Пекине, оживилась консульская деятельность российских представителей в других городах страны. В июне 1896 г. был заключен русско-китайский договор об оборонительном союзе, с которым были тесно связаны соглашения о строительстве через Маньчжурию железной дороги от Забайкалья в Приморье и дальше к югу, к переданным в аренду России Порт-Артуру и Дальнему. В самом конце XIX в. – начале XX в., в канун печальной Русско-японской войны, устремились на Дальний Восток, в Маньчжурию и Китай, и многие русские государственные деятели и предприниматели, писатели, ученые, художники: *С.Ю. Витте*, *А.П. Чехов*, *В.Л. Дедлов*, *Н.Г. Гарин-Михайловский*, *Вас. И. Немирович-Данченко*, *В.М. Дорошевич*, *В.К. Арсеньев*, *В.Л. Комаров*, *Н.А. Байков*, *Н.И. Кравченко*, великий князь *Кирилл Владимирович*. Написанные многими из них книги, увиденное ими, разное и по-разному, не утратили своего значения и в наши дни.

Наступил XX век. Русские войска вкуже с воинскими отрядами других европейских государств вступили на территорию Китая, участвуя в подавлении восстания ихэтуаней, правда, довольно скоро покинули страну (об этих событиях много писал *А.С. Суворин*). Вскоре затем началась Русско-японская война, и о ней писал Суворин в своих «Маленьких письмах». Маньчжурия стала театром малоудачных боевых действий российской армии. Свидетельства об этом оставили писатели, журналисты, корреспонденты разных периодических изданий, шедшие вместе с армией (одно «Новое время» представляло не менее десяти человек). В боях участвовали молодые тогда офицеры *А.И. Деникин*, *П.Н. Краснов*, *П.Н. Врангель*, время от времени печатавшие очерки и заметки в русской прессе и впоследствии оставившие солидные мемуары о своей жизни...

Русская революция 1904–1905 гг., китайская революция 1911–1912 гг., две русских революции 1917 г. Начало китайской революции 1925–1927 гг. Японское вторжение в Китай и всенародная освободительная борьба. Гражданская война в Китае. Победа стран антифашистской коалиции, освобождение Китая и провозглашение в 1949 г. народной республики. Массовые расстрелы в СССР в 30-е гг., в том числе и китайцев. Строительство нового Китая в 50—60-е гг. Влияние всех этих событий и в их исторической последовательности и совокупности и порознь было огромным, и созданная в те годы русская советская литература была велика количественна и значительна по своему содержанию.

В 20-е годы во Владивостоке и Чите (тогда это была Дальневосточная республика) сложилась (вокруг журнала «Творчество») и работала группа молодых в ту пору литераторов, в основном коммунистов, многие из которых позднее нашли свой путь и признание в советской литературе (*Третьяков*, *Фадеев*, *Парфенов*, *Асеев*). Они активно участвовали в политической и общественной жизни Приморья и Приамурья, многими нитями связанных с Маньчжурией и Северо-Восточным Китаем. Некоторые из них со своими политическими заданиями побывали в Китае, это надолго сохранилось в их памяти и нашло известное отражение в их дальнейшем творчестве.

По ту сторону границы, в Маньчжурии, осело немало русских, служивших в колчаковских и семеновских отрядах и покинувших Россию. Центром русской белой эмиграции стал Харбин, где, в частности, в течение почти двух десятилетий выходил журнал «Рубеж», в котором, как и в немногих русских газетах («Луч Азии», «Новости жизни»), стали печататься мно-

гие литераторы как старшего, так и более молодых поколений (*В. Перелешин, Ю. Галич (Гончаренко), Вс. Ник. Иванов, А. Несмелов* и др.). В дальнейшем часть из них перебралась в Шанхай, где существовали посвященные в основном Китаю русские издательства «Желтый лик» и «Русское книжное дело» с магазином русской книги. Здесь продавались среди прочего и книги о Китае, например, *Э. Магарама* (изданные в Берлине «Блуждающие души», «Желтый лик», «Современный Китай»), *П. Лапикена* («Четыре города», Харбин). Но в общем эмиграция мало писала собственно о Китае, занятая проблемами своей нелегкой жизни, о чем вспоминал много лет спустя В. Перелешин, один из немногих овладевший китайским языком и переводивший классиков китайской поэзии.

Значительно больше писали о революционном, сражающемся Китае в СССР, что вполне понятно и объяснимо. В 20-е гг. в Китае по многу лет жили и работали известные специалисты-китаеведы, талантливые литераторы: *А. Ивин (Иванов), М. Андреев, С. Третьяков*. Свидетелями и даже в той или иной степени участниками событий китайской революции были советские писатели и журналисты *Н. Костарев, П. Парфенов, И. Эрдберг (Разумов), С. Далин*. В числе участников нашумевшего в свое время перелета Москва – Монголия – Пекин (1925) были пятеро журналистов, представлявших разные советские органы печати, и среди них уже известные тогда прозаики *А. Лебеденко* и *З. Рихтер*. После своего триумфального возвращения на родину они написали по несколько книг об этом перелете (как, впрочем, и их спутники, летчики, участники экспедиции). В Китае, в частности, работали и политические публицисты, представители ЦК ВКП(б) и Коминтерна *Бородин М.М., Виленский (Сибиряков) В.Д., Серебряков Л.П., Войтинский Г.Н.* и другие, чьи имена появлялись на страницах тогдашней советской прессы.

Но помимо очерковой и политической публицистики китайские темы весьма заметно присутствовали и в советской прозе начала и середины 20-х гг. Собственно, это стало дальнейшим развитием и обогащением уже намеченного в начале века. Роман «Му Сян» (1901) выпустил В. Дорошевич; единомышленник и сотрудник Л.Н. Толстого И. Горбунов-Посадов издал трогательный рассказ «Дочь китайского вельможи» (1903); И. Митропольский написал согретую теплым чувством любви к Маньчжурии и ее народу повесть «Маленький манза» (1913); Д. Мамин-Сибиряк выступил в 1914 г. с рассказом «Китайцы и американцы».

Разумеется, советская проза тех лет, романы, повести и рассказы, в целом были уже совсем иного качества, художественно богаче, оригинальнее, глубже по жизненному наполнению, эмоционально насыщеннее, хотя, конечно же, книги получались разные, как разной была и степень познания и понимания Китая, степень собственного таланта. С. Третьяков («Чжунго», «Дэн ши-хуа»), Ис. Гольдберг («Ли Тянь уходит»), С. Ауслендер («Некоторые замечательные случаи из жизни Ли Сяой»), Б. Пильняк («Китайская повесть»), О.Эрдберг («Китайские новеллы»), А. Дроздов («Сын палача»), С. Алымов («Нанкин-род»), А. Фадеев («Последний из удэге»), В. Обручев («Золотоискатели в пустыне», «Рудник «Убогий»), рассказы Г. Серебряковой, А. Шишко, Р. Фраермана, Б.Лапина и З. Хацревина, Вс. В. Иванова – все эти сочинения объединяло чувство глубокого уважения, интереса, даже неподдельной любви к Китаю, горячее желание помочь, поддержать его народ в тяжелой длительной битве за достойную жизнь.

И горько сознавать, что многие талантливые советские писатели, публицисты, ученые, политические деятели, посвятившие себя Китаю, были жестоко и безрассудно погублены в годы сталинского террора в СССР.

После провозглашения Китайской Народной Республики, в 50-е гг. особенно, контакты между советскими и китайскими писателями обогатились и расширились. Стали частыми разного рода писательские делегации в Китай, в результате чего появлялись сборники стихов или книги путевых очерков, чьи авторы пытались открыть новым поколениям новый Китай, уви-

денный новыми глазами. Перебравшийся в Хабаровск Вс. Ник. Иванов издал свои повести о победах Народно-освободительной армии Китая («Тайфун над Янцзы», «Шаньдун», «Путь к Алмазной горе»); В.А. Истрин – сборник рассказов о Китае «Ветка ивы». Рассказы-очерки печатали Н. Тихонов, Б. Полевой, С. Залыгин, В. Кожевников, С. Бабаевский, В. Кетлинская. Долгое время в Китае работали постоянные корреспонденты московских и сибирских газет писатели А. Смердов и С. Кожевников. На русском языке выходили переведенные с польского и украинского книги впечатлений В. Василевской и О. Гончара...

С начала 60-х гг. многое изменилось. Наступила тяжелая многолетняя пауза. И теперь русские писатели стали редко бывать в Китае и редко о нем писать. Искренне жаль. Хочется надеяться, что эта книга, куда вошло далеко не все, посвященное писателями России Китаю, поможет вспомнить то доброе, светлое и хорошее, что нас сближало и объединяло в течение веков...

Александр Романенко

Сердечная признательность за внимание и помощь при подготовке этой книги **Марианне Васильевне Баньковской**, **Федору Александровичу Романенко** и сотрудникам библиотеки Центрального дома литераторов **Людмиле Федоровне Хонелидзе** и **Нине Владимировне Сударушкиной**

Н. Спафарий

Молдавский боярин, учившийся в Константинополе и Падуе и с июня 1671 г. живший в Москве на службе в Посольском приказе при дворе царя *Алексея Михайловича* (1645–1676), *Николай Гаврилович Спафарий* (Милеску Николае Спэтарул, 1636–1708), высокообразованный полиглот и дипломат (склонный, впрочем, к авантюризму и интриганству), в 1675 г. был назначен российским посланником в Китай. 3 марта 1675 г. во главе представительного посольства Спафарий отправился в Пекин для установления дружественных отношений между двумя соседними государствами. По пути в Тобольске Спафарий встречался со ссыльным хорватским писателем и общественным деятелем *Юрием Крижаничем* (1618–1683), который передал ему свое «Письмецо о Китайском торгу» и помог познакомиться с книгами о Китае. В китайской столице посольство под строгим контролем оставалось до 1 сентября 1676 г., в беседах, переговорах, приемах (в том числе у императора). Однако миссия Спафария, как и других предшествовавших ему русских представителей, успехом не увенчалась, и посольство вернулось в Москву в начале января 1678 г. При новом царе *Федоре Алексеевиче* (1676–1682) Спафарий подвергся опале, но вскоре всё выправилось. «Путевой дневник» и «Статейный список» путешествия Спафария позднее получили должное признание как первые в России подробные и точные для своего времени описания Китая, сделанные зорким наблюдателем и даровитым писателем. Публикуемые отдельные главы – по изданию: *Николай Милеску Спафарий*. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

Из «Путешествия в Китай»

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА СКОЛЬКО ГОСУДАРСТВ РАЗДЕЛЯЕТСЯ И СКОЛЬКО В НИХ ГОРОДОВ ВЕЛИКИХ И МАЛЫХ И НАРОДА

Царство Китайское, тому ныне лет 3900, от царства Шуна разделено было на 12 государств, после того от наследника его Ива – в девять, потому что тогда северные страны китайские были, ибо рубежом была великая река Кианг. А после того потихоньку взяли полудневные страны и научили их китайским обычаям и гражданским законам, и тогда разделили царство свое в 15 государств, которые и донныне так стоят. Имена же тех китайских стран по-китайски суть сии:

1. Государство у них есть Пекин, по имени царствующего града, которое именуется и Пехели.

2. Киантунг. 3. Киангиан, или Алкинг. 4. Хикиан. 5. Фокиен. 6. Квантунг. И те государства все лежат близ моря Океана, и после тех начинаются те, которые далеко от моря стоят к северу: 7. Квансий. 8. Кианксий. 9. Гункван. 10. Гонан. 11. Ксанси. 12. Гак. 13. Сухуен. 14. Квенхеу. 15. И дальнее, недалеко от Индии, есть Иуан.

Кроме же тех 15, еще есть великая страна Леоатунг, которая близ Пекина, где начинается Великая стена. Также имеет и государство Корею, которое есть нос⁴ великий в море, и тут хан есть, только поддан китайцам, и те два государства близ Амура лежат. Кроме же того, многие и великие суть острова, между которыми два большие и богатые:

1. Ханиан остров. 2. Хексан и иные многие к северу и к востоку, также и носы великие в море прилежат. Один словется Тунг, от которого до Японского острова ходят по морю 40 часов, а города превеликие и пребогатые во всех тех Китайского государства суть, числом 150, а меньше тех, только немалые же – 1226. Все же те города ограждены большими стенами каменными и шанцами, только, кроме тех, многие места и крепости, и замки, и села великие суть, что больше городов наших, и толикое множество есть, что и числа знать не можно. Токмо, одним словом сказать о Китае, что если бы была та стена большая обведена вокруг всего Китайского государства, можно бы было говорить, что весь Китай один город есть, понеже город от города в виду, и село от села ближе, и место везде жилое, а пустого ничего нет.

И из тех городов большие построены суть по берегам по большим рекам, по которым и судами ходят, и предместья их построены великие и прекрасные, и загородные дворы и сады, в которых китайцы летом гуляют. И ныне северные страны от татар разорились, однако же и ныне людно, а что в полудневных – гораздо люднее есть. Большие же города от меньших не величиною разделяются, токмо воеводскою честью, по обычаю уложения их китайского.

Суть же и малые города больше и богаче стольных, потому что те стольные только единою честью превосходят, а людьми и богатством многожды меньше есть, числом же вышешипанных 150. Стольные же города именуют китайцы Фу, а меньшие города именуют Хеу, или Хиен, к тому же суть многие крепости и села великие, что множеством людей и богатством с теми городами равны, наипаче же те, которые они именуют Хин. А потому что не ограждены стенами каменными и не имеют своих особых воевод, и владеются города воеводами, оттого и именем городовым не именуются.

⁴ Полуостров. – Прим. ред.

А о множестве людей, что есть в Китае, и сказать нельзя, ибо не токмо по городам и по селам, но и по рекам и по всяким дорогам всегда великое множество ходит, аки войско или ярмонка какая. И оттого, как впервые португальцы приехали в Китай, спрашивали китайцев, не по десяти ли ребенков вдруг жены их родят, потому что видели бесчисленное множество людей везде. Также они говорили, что в Китае города есть ходячие, понеже по всем рекам великое множество судов, и на тех судах живут китайцы жительствою и держат на судах свиней, уток и куриц, и всячину, и живет на одном месте по 1000 и по 2000 судов, аки города, и движутся на иное место со всем, где им любо, по разным рекам. И тако не меньше живут на водах, нежели на суше, наипаче же в полудневных странах, и на тех судах делают всякие шелковые дела.

Буде же поверим китайским подлинным книгам, в которых они истинно пишут людей всех стран и городов, сколько числом есть во всем Китайском государстве, и то кажется бесчисленным, потому что они прилежно пишут обо всех, что, кроме царского колена людей, и кроме бояр и начальных людей, и кроме скопцов и военных, и жен, и ребят, и жрецов их, мужского пола 58 миллионов, и 914 284, а во всяком миллионе по тысяча тысячей числом. А буде начнем исчислять жен и ребят, то соберется больше 200 миллионов, которое число китайцы всегда без всякой трудности могут знать, потому что обычай у них такой, что всякий жилец должен под смертным заказом пред воротами дома своего повесить таблицу, и на той таблице написано число и чин всех людей, которые живут в том доме. И над всеми десятью домами десятник поставлен, и именуют его Тифанг, и тот прилежно смотрит всегда то дело, и число всегда избирает, и подает воеводам. Сие же наипаче хранится тогда, когда война бывает, потому что, буде есть какой лазутчик или иноземец, тотчас тем сыщут. А буде бы не было войны между ними и не вместилося бы в Китайском государстве людей, и то все учинилося от древности государства и оттого, что Китай страна здрава, и оттого моры и другие немощи не бывают.

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОД КОТОРЫМ НЕБЕСНЫМ ПОЯСОМ ЛЕЖИТ И ПОД КОТОРЫМ СКЛОНЕНИЕМ, КАКОВО Ж ИЗОБИЛИЕМ В ЗЕМЛЯНЫХ ПЛОДАХ И ПРОЧИХ

Царство Китайское хотя немного лежит под запаленным поясом, а большая часть его лежит под мерным и растворенным поясом. И так восходит от второго склонения до шестого, и оттого день большой, летний, восходит до 15 часов, а и от 13 часа растет до 15, и то бывает на острове Ханиан, также и в государстве Пекина, и в Леоатунге. А понеже Китайское государство великое есть, и времени расстояния разные суть, как во иных землях, инде теплое, а инде же холодное пременение. Также и в Китае не везде равно, потому что в тех странах, которые лежат к северу, многажды стужи великие и снега, долго стоящие, бывают, также и реки льдом покрыты долго стоят. А в полудневных странах великие жары бывают, и оттого все индийские овощи тут обильно рождаются, а в северных странах не так, как виноград и иные овощи разные рождаются, а индийские не все из-за стужи.

Везде же Китайская земля весела, как при море, и на суше, поля и реки везде изрядные и деланы, и не можешь ведать отчества, так изрядные поля от китайского художества устроены, обилиями бо превосходят и красотою паче иных, и, одним словом рещи, что во иных землях разве особо сыщется, в Китае же все вдруг найдешь, и наудачу, что иных земель желал бы кто видеть, яко же Китай.

В Китае же многие вещи рождаются, которые нигде инде не рождаются, и можно говорить, что Китай на земле есть, яко дорогой камень в перстне, и больше обрящешь богатства в одном Китае, нежели во всех иных землях, только пряные зелия из Индии приходят, и то так близко, что аки бы домашние из-за непрестанного в нем торга; и о Китае можно говорить [больше], нежели про Рома.

Древле некоторый философ сказал, что все иные земли да поступятся Китаю, потому что везде родится тут естество всякое, и, говорить поистине, все надобное человеку на свете к прохладению и к богатству там с излишеством обрящешь.

Ибо первое дело у китайцев постановлено: пашни паче всего наблюдать, и почитают их паче всех иных ремесл. Говорят бо они, без пашни человеку жить невозможно. И того ради пашенных они ничем не избегают, и о том у них крепкое постановлено уложение, ибо вся земля делана и пустого места мало сыщешь. Где же пески неплодные, там художеством своим они плодovиты делают. Также, где безводные места, там везде копаны протоки из рек и приведены в те места, и оттого везде китайцы могут ходить посуху и по рекам.

Хлеб же у них родится всякий, не только пшено сорочинское, но и иные роды многие, которых и у турков не имеется, ржи же и не сеют. Скота же у них всякого довольно, коровы, овцы, козы и кони, а наипаче свиней у них много, а род у них особый, собою великие, черные, уши большие, и без них никакого дому нет. Понеже китайцы иного мяса так сладко не едят, как свиное, и для того они гораздо их зимой и летом кормят до жирности, и вкусом наших сладче. У иных же суть и кони, и моки, и ишаки, и при том еще собаки, которых у бояр, как пиршество бывает, первее поставляют, и собачье мясо продается дороже иных мяс. Суть же у иных всякие птицы, гуси, утки, курицы и голуби и прочие, также боб и горох, и чечевица, и иные такое же множество суть. А луку, чесноку, редьки и моркови, и иные травы и того множество, не только разный род есть, что и по всей Европе такого нет, ибо они многие ничего не едят, кроме травы.

Рыбы у них весьма много есть из моря и из рек и озер, и в Пекине всякая рыба морская и разная, ибо из моря на судах живых приводят по рекам, они и рыбу кормят, как иного скота и птиц, ибо где сеют пшено сорочинское, тут везде копаны протоки с водою, и в тех протоках кормят всякую рыбу. В мае же месяце на судах маленьких рыб продают и, купив их, кормят, пока вырастут, иных же во льду живых держат весь год, а иных солят и сушат, как и в иных государствах.

Шелку толикое множество у них родится в одной стране китайской, Хекеанг нарицаемой, нежели во всем свете, ибо по дважды на год черви родят шелк. Пишут же старые их книги, что есть тому ныне 1500 лет, как начали в той стране промышлять, и то подлинно есть, что подлинно шелковому промыслу от китайцев и иные государства научились, и не токмо то одно, но и пушки лить, и ходить по морю матицами навывкли, также и книги печатать от китайцев в Европе научились. Потому что, когда калмыки и татары взяли Китай, с ними пришли в Китай патер Одерик и Антон, армянин, и Марко Павел, венецианец, и подлинно они в Европу из Китая те художества принесли.

А бумажного семени нет больше 900 лет, что и китайцы от иных приняли, однако же ныне множество родится того, что можно всего света людей платьем бумажным одевать. Есть же у них и лен, только не умеют такого полотна делать, есть и конопель, из него же летнее платье строят. Шелк же собирают они тот, который, аки паутина, по деревьям и по траве весится, и из того делают платье же крепче прямого шелка.

А овощей суть в Китае, всяких ягод великое множество; есть такие, что в Европе не только не родятся, но еще таких и не видали, токмо аминдали и оливы нет. И оное изобилие, которое в Китае есть, наипаче родится от рек и от озер, также и от китайского художества и работы их, реки же и озера многие и частые, которые, опричь рыбы, напояют пшеничные пашни, ибо по дважды сеют и жнут. К тому же, через те реки и озера везде ходят и торгуют между собою от города до города. И от города Макао португальского, больше 2500 верст, все ходят на судах, только один волок ходу на день, к тому же и из Хикианга и до Сухуен через всю длину Китая на судах ходят же. И ни единого города нет в Китае, чтобы не было при нем реки или протока копаного судового.

Руд бесчисленное множество и всякие, также зело богатые и обильные, а золото и серебро под смертью заказано и постановлено у них, чтоб не копали из земли, ибо они говорят, где-

де руды рождаются в земле, тут живут и пары такие смертные, что причиняют людям моровое поветрие. И потому царям надобно наипаче радеть о здоровье людей, нежели о богатстве золота и серебра, ибо золото и серебро сделано ради людей, а не люди для золота. И оттого золото непрестанно копать запрещено, и портить землю, и людей губить, а золото вольно всякому из речных берегов и из песков собирать.

И тако множество у них есть золота, которое у них не вместо денег ходит, и продают оное золото, как иной товар, и меняют вместо денег, потому что печатных денег нет, чтобы не чинилось воровство, только льют то серебро коробками маленькими, и плиты льют. Серебро оное весом весят ланами, а лана, по-нашему, весом восемь гривен, а в лане – десять чиннов, что у нас – 10 золотников, а в золотнике их будет восемь копеек. Только же и у них в серебре воровство многое чинится, понеже мешают свинец и медь, и оттого всякий человек имеет при себе вес и ножницы, и теми серебро режут и смотрят. Но, хотя о том и заказ крепкий у них есть под смертью, однако же, несмотря на то, воруют.

Также рождаются у них, кроме золота и серебра, иные всякие руды. Се есть ртуть, медь красная и желтая, олово, свинец, железо, киноварь, квасцы и иные всякие краски. К тому же, у них делают такую белую медь, будто серебро, и ту дороже продают желтой меди, и из желтой меди делают они деньги величиною как двойной золотой, и именуют они их чосы, и ходят на лану серебра по 1400, и на те чосы всякие мелочи покупают, а из железа льют пушки и колокола, и котлы, и прочие.

КАКАЯ У КИТАЙЦЕВ ВЕРА, И ОТКУДА ОНИ ПРИНЯЛИ, И КАК В ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ ХРИСТИАНЕ БЫЛИ

Трегубая есть вера китайская, ибо на три статьи разделяется. Первая и старейшая есть философская. Вторая – идолослужительная. Третья – эпикурская или безбожная. И у китайцев те три статьи именуются Санкао, се есть трегубное учение, однако же философская честнее оных двух и словом и делом, потому что люди той статьи или того чина владеют всем Китайским государством, потому что в философии у них бывают бояре и воеводы, и начальные люди. А простых и неученых к чести отнюдь не допускают. И по-китайски та статья или чин философский именуется Юкяо, и тот чин познает, что на свете краснейшее начало, и то почитают вместо бога.

Ибо многие их книги философские древние пишут, что есть небо, и есть краснейший царь, и тот есть, кто всем миром правит, и пишут, что естество и существо его не знают. Тако же и как почитать его недоумеют, и оттого они рассуждают, что лучше его ничем не почитать, нежели почитать и согрешать. И того чина люди иного ничего не делают, кроме того, что всегда смотрят и радеют, как можно лучше править и владеть народом, обычаи и всякие нравы добрые прилежно учить, и разделяется философия их на три статьи, ибо о трех делах тружуются. Первое – о небеси, что и какое есть, второе – о земле, что есть и какая. Третье – о человеке, что есть он и каково надобно ему быть, и говорят они, что в тех трех статьях весь мир держится, и для того именуют те три статьи санкай.

О небеси же учат они, что родится все, что есть на свете, от неба и портится от него же. Как небо движется и звезды, и тако причиняют на свете дожди и прочая. Учат же и о звездословии и календари сочиняют, а о земле учат – о землемерии, о пашне и о прочем. О человеке же учат, что надлежит обычаем и нравом последовать, ибо человек – животное словесное и разумное, и то учение о человеке разделяется на пять статей. Первое – об отце и сыне, как надобно сыну послушно быть отцу, пречудное и несравнимое пишут. Второе – о муже и о жене и о брате, и как надобно между собою жить. Третье – о царе и подданных его, как им быть послушными ему и как царь любит их, яко отец. 4. О друзьях, что есть дружба и

как им между собой жить. 5. О братьях, как надобно большему любить меньшего, а меньшему как быть послушну большему.

Кроме же тех пяти статей, еще есть у них 3000 приказаний об обычаях и нравах и гражданских добрых делах. И, во-первых, о вере и разуме, смирении и храбрости, и воздержании, наипаче же о терпении и правде, к тому же паче ту добродетель хвалят, когда человек, сам себе рассуждая и познавая себя, иного не осуждает; и та у них краснейшая добродетель. Тот чин не радуется о том знать, что впредь будет, а наипаче учат настоящие дела [ибо даже] что видит человек своими глазами, [и то] едва может добро править, [сколь же] труднее невидимое и будущее править и разуметь. Также научают все добродетели прилежно делать, душевные и телесные, и так говорят, всегда добро делай, не ради какого воздаяния или хвалы, но ради того, что на свете нет иного дела лучше того, нежели добро делать, полно тебе и та честь, что можешь добро творить.

Суть же такие у них приказания многие, что и древние наши философы не токмо не написали, но и во сне не видали.

Вторая статья, или чин идолослужительский есть, который у них именуется Ксекиао, и та прелесть пришла в Китай после воплощения Христова, она же разделяется надвое, одно – душевное, другое – телесное. Душевное учит, что душа человеческая после смерти внидет в таких зверей или в скоты, которые суть подобны нравам и желаниям того человека, и тут наказуется. И потому учат, чтоб всяк воздержание имел от всех желаний; они же учат, что по смерти человека нет ничего, ни воздаяния, ни наказания.

Также и на сем веке ничего нет: ни правды, ни истины, ни зла, ни добра, токмо, как нам кажется, так оное и есть. А другое телесное идолослужение учит: первое, что идолам поклоняться, также когда душа после смерти человека войдет во всякий скот и зверей, и тут ради грехов своих наказуется; и что живет на свете, ничего не едят из-за той веры китайцы, и вера их смешная, они и сами жрецы их посмеиваются о том, только изобретена для того у них, чтоб народ боялся и делал доброе, а от грехов хранился.

Третья статья есть, или чин эпикурский, который ни бога, ни идиолов не знает, только говорят, что нет на свете лучше того, как всегда прохладатися. К тому же бесчисленные лекарства и яства вымышляют ко всяким телесным наслаждениям и прохладениям и обещают, что чрез лекарство могут делать и человека, чтоб не умер, и всегда того ищут; большая часть их есть волхвы, и та вера их и чин хуже и скарденейше всех в Китае есть.

Чин же философский христианскую веру любит, оттого что и они также учат добрые дела творить, а от злых хранилися, и оттого склонны в христианскую веру, и многие из них ныне католики суть. Приняли же они, китайцы, философскую веру от начала света после потопа, как и иные языки, как приняли, так и держат сначала и до сего дня. А те два чина по разным временам приняли из Индии и от иных разных пограничных народов, потому что в Китае всякий человек, что может, то и верит, и какую веру хочет, таковую и принимает, о том ныне и заказу нет, меняют многие свою веру в один год многожды, как им полюбится.

Христианская же православная греческая вера была в Китае и проповедовалась вначале в Индии старым апостолом Фомой, и из Индии чрез наследников того апостола проповедана была и в Китае, и великое множество христиан было в Китае, и был митрополит под Александрийским патриархом, как о том пишется в древних соборных правилах, а подписался он [как митрополит всея Индии] и Хины, се есть Китай митрополитом.

Также и Марко Павел, венецианин, пишет, что при нем было в Китае множество христиан, к тому же не в давних летах нашли мраморные скрижали, а в них вырезаны были сирийским языком письма, им же ныне лет с 1000, что в Китае была вера христианская и архиепископ, и церковный чин был же, и иные признаки многие суть, что были в Китае, конечно, христиане.

И видели иезуиты у китайского боярина колокола медные, и на одном был крест вверху сделан, и около него было письмо вырезано греческое, и просили у него иезуиты, чтобы продал или дал переписать письмо оное, но тот ему отнюдь не продал и списать не дал. Также нашли и раки такие в реках, которых прежде сего никогда не видали, и на спине у них начертан был крест белый, и иные признаки многие такие христианские недавно в Китае почали быть. И иезуиты толкуют то, что в скором времени будет Китай в католической вере, потому что и в Америке, в Новом Свете, прежде пришествия католиков такие же признаки объявились, также и во Японском острове. Мы же толкуем, что помощью Божиею и царского величества счастием скорым временем в Китае будет православие греческое, и о том в ином месте напишем.

В Китае же жили долгое время христиане и умножились, а после того враги христианской веры – бусурманы и бухарцы – оклеветали христиан китайским боярам, будто хотят они бунтовать и Царство взять. Оттого над ними гонение великое учинилось, иные казнены были, иные же от христианства отрицались, иные врознь разбежались. Церкви же и монастыри их в капища идолам переменили, тому уже ныне лет больше 100, и от того времени убоавшись оказаться христианами не смеют. А в Индии есть больше полутора ста тысяч христиан и донныне, в Китаях же есть католиков больше 100 000, потому что во всех стольных городах иезуиты и их костелы, только в одном Пекине больше 20 000, ежедневно прибавляются.

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЛАДЕЕТСЯ ЦАРЕМ ИХ И БОЯРАМИ, И СКОЛЬКО У НИХ ПРИКАЗНЫХ ПАЛАТ, И СКОЛЬКО У НИХ В ГОД ДОХОДОВ СОБИРАЕТСЯ

Китайский хан самовластный и единоначальный есть, ибо един он владеет над людьми и над всем богатством их, и что он хочет, так и делает, и оттого совершенная монархия есть, и царство их идет по наследству от отца к сыну. Когда же у того царя детей не останется, тогда избирают из тех, которые ближние царской крови суть, а когда суть дети, тогда большего сына избирают на царство, а прочие дети все имеют имя и честь ханскую, власти же ни над чем не дают, только каждому дают великий город и палату со всяким строением и удовольствием. Также служба и расход у него все против ханова, токмо никакой власти над городовыми не имеет, притом и серебра, что на расход ему надобно в год, всего ему вдруг не дадут, чтоб он не учинил никаких бунтов, но в три месяца подают уроком. И из того города вон выходить заказано под смертною казнию.

И так только от одного и по рассмотрению его владеется все Китайское государство, что никому не вольно без его ведома тронуться. А бояре и воеводы и все начальные люди от него одного посылаются во все царство.

Приказов у них или канцелярий, которые владеют всем Царством, построено в самом китайском городе Пекине числом шесть больших да к тому в прибавку девять меньших. Первый приказ у них есть, в котором ведают начальные люди, как у нас разряд, и в том приказе отпуск есть всем боярам и воеводам, и называется по-китайски липу. Второй – доходов и расходов, и тот именуется гупу. Третий у них есть чиновный, и тот знает всех приходящих чужеземцев и посланников, и весь чин их и обычай, и именуется у них липоу. Четвертый, где воинские и служивых людей дела управляются, и тот именуется у них пинкпу. Пятый приказ есть, который ведаёт всеми строениями городовыми и домовыми, и ханскими и всенародными, и тот называется у них кинкпу. Шестой, в котором всех винных судят и казнят смертию и иным наказанием, и то именуется у них гинкпу.

Но хотя у них есть и иных девять приказов, меньше тех, как мунгальский, так и астрологийский, аки бы дворцовый, однако же они под теми же шестью приказами бывают, ибо те шесть приказов не только всякими делами всего государства ведают, но и вся дума, которая у них есть, все в них содержится, потому что из всего государства воеводы пишут о всяких делах

в те приказы. В первых бо пишут к хану, и тот по своему рассмотрению, в который приказ хочет, и посылает то дело, и они, рассмотря дело, подлинно удумают, и после думы пишут в письме свое намерение и подают хану, и он по своему хотению, как покажет, так и делают.

И из-за множества дел и чтобы не чинилось в делах какое погрешение, избирает хан из всего государства небольших крайних философов умных, и тех держит хан при себе, и именуют их хановы помощники, а чин по-китайски колао, или каисианг, то есть правителей помощники. И те колао в Китае первые люди после хана, и о всяких делах когда думает хан, и они при нем предстоят, и они во всяких делах ему советом пособляют, и только они хана китайского видят, а иные бояре отнюдь никогда же, и то редко в Китайском царстве.

Но хотя китайский хан и гораздо нечасто из своей палаты вон выходит, однако же всегда он знает о всем государстве и о воеводах всех стран, как живут и что у них делается, ибо хан ежегодно посылает от себя человека аки бы посла во все китайские страны. И тот имеет великую власть от хана и надсматривает над всеми воеводами, и проведывает прилежно о всяких делах, и после того по-прежнему приходит к хану, и на письме ему подает обо всем, что видел и слышал, и тогда он обо всем рассуждает.

И воистину глаголати, на свете нет иного государства такого, где бы так трудились, как китайцы, чтобы лучше и правдиво править своим государством, и едва не лучше ли всех иных правят, потому что сколько тысяч лет есть, что китайские философы не трудились в ином деле так, как возможно сыскать лучше путь такой, чтоб государство их правдиво и непорочно править и содержать. И Китай есть то государство, о котором древние мудрецы говорили, что то государство есть счастливое, в котором философ царствует или царь яко философ делает, ибо всегда с великим рассмотрением и разумом царством своим правит и владеет.

О доходах же, которые идут китайскому хану, хотя можно и не верить из-за множества, однако же надобно знать и то, чего в Китае нет, ни один человек есть, который бы хотя пядью земли владел, а хану бы не дал дани.

И оттого превеликие доходы собираются, что, кроме всех расходов ханского двора и [двора] братьев и кроме того, что расход чинится в воинских делах, собирается в казну ежегодно китайскому хану больше 60 миллионов червонных золотых, а во всем и с проторами ежегодно собирается в казну больше полутора ста миллионов червонных золотых. А из той казны такое у них есть постановление, что и сам хан не может взять без ведомости тех, которые постановлены начальниками к казне, токмо все, что есть, сбирается на одном месте. А когда надобно хану, тогда на письме посылает и просит у тех начальников казны, сколько ему потребно и хочет, в чем уже отнюдь не смеют отказать ему. Однако же те доходы ныне, при владении богдойских, из-за непрестанной службы зело умалилися, однако же и ныне еще великие доходы бывают, оттого что они возьмут со всех стран десятую часть со всего, что родится на земле.

К тому же и хан их имеет места такие, где продают всякие товары и вещи и самую мелочь, и иные у них суть разные вымыслы, от которых великие доходы казне их собираются.

КАКАЯ ПРИРОДА КИТАЙЦЕВ И ЛИЦОМ КАКИЕ СУТЬ, И КАКОВЫ ПРИРОДНЫЕ ИХ ОБЫЧАИ, И К ЧЕМУ НАИПАЧЕ СКЛОННЫ

Еще в древних книгах писал Аристотель о асианском⁵ народе, что азианцы разумнее суть европейских народов, а европейские народы гораздо храбрее суть азианцев. Подобно же и ныне о китайцах таковые речи можно говорить нам, ибо китайцы пред нами, европейцами, суть в храбрости, аки жены перед мужьями, а в разуме гораздо превосходят, потому что зело превосходят остроумием, ибо хитрые вымышленники, лукавые обманщики, и ко всякому делу

⁵ Азиатском.

догадательны, и всегда тому рады, как бы обмануть иноземцев, чтобы тем показали, как превосходят разумом своим все иные народы. И потому всегда притворяются, будто препростые суть и правдивые, дабы тем иных обмануть, к тому же непостоянны, всегда смотрят, чтобы корысть получить, но правда, что труждаются и работают непрестанно, голода же ни часу не могут терпеть, до полудня как им не есть, чают, что уже умрут.

Телом они весьма легки, пеши много ходят и на себе много носят, летом же наги до пояса и без шапки на солнце в жару стоят на пашнях, на полях и в городах, и работают так, что невозможно больше того о них сказать. Люди собою здравы, еще из молодых лет привыкают к работе, а больных людей или расслабленных и нищих гораздо мало у них увидишь. Все, что есть, хотя малое нечто, не попустят они потеряться и собирают лоскутья кожаные малые и иное что-либо, всякие кости, перья, волосы всякие, еще же и самый скареднейший от всяких скотов кал собирают, и из того они вымышляют и делают себе корысть.

Но хотя они и богаты суть, а не стыдятся тем торговать и говорят, что лучше есть корысть, нежели честь. Торговые же у них зело хитрые и лукавые, все радеют обмануть, и не стыдятся они просить, что стоит рубль, за то и сто, ибо как много оговаривано было их, для чего так бесстыдно просить дерзают, и они на сие ответственуют, ты-де дай меньше того, ибо и я словом у тебя не взял оно, также и в покупке по тому ж с уменьшением дают. Но только еще назначится утренняя заря, и они, вставши, работают и ходят по улицам, и кричат, продаючи всякую мелочь и всякий товар.

Натурою же они суть таковы: лицом иные белы, как и европейские, только нос тупой, бороды редкие, глаза маленькие и долгие выпучились, и лица широкие, четверо-угольные как у мужей, так и у жен их. Ежели же у кого красные и черные волосы, того весьма не любят, и страшны им кажутся такие волосы, и ни единого человека [не] увидишь с такими волосами.

Разум же их и хитрость показывают всякие шелковые дела, которые к нам приходят, также посуды фарфорные, сундуки, писанные золотом и своею олифою, которую именуют цзе; также и иглою шьют всяких птиц и зверей, как бы живых. Еще же у нас ходят худые их дела: кости, дерево, корольки, янтарь, яшма и всякие крепкие мраморы, и дорогие камни, которые гораздо режут и алмазят. Делают они из смолы янтарь литой, что не познаешь, аки бы неприродный, делают же и стекло из сорочинской пшеницы весьма светлое, только не так, как наше, и скоро бьется. Пишут и живописное, только худо, не умеют бо еще мерить и краски творить на олифе. А птицы и всякие цветы не так красками, как шелком вышивают гораздо выше живописного. А понеже они нашли прежде наших искусство пушки лить, порох делать и книги печатать, и матицы морские, и иные множайшие художества.

К тому же, и то показывает хитрость их, что есть у них птица домашняя, аки ворон, шея у нее долга, ту птицу научают они ловить рыбу, как собаки зайцев, и кладут на шею ожерелье железное, чтобы она рыбы большой не проглотила, и так они ловят рыбу носом, и когда великие рыбы берутся, и одна другой пособляет, и люди собирают рыбы в лодку, за всякую же птицу хану дань платят.

Благодеение же все по природе любят, и те, которые делают, хотя они во многих скаредных делах валяются, однако же гораздо бережно делают, и всячески вымышляют, чтобы никто ничего не догадался. Превосходят все народы в почтении родителей и учителей своих, потому что сказуют, не послушну ему быть им и не служить во всем, досадить в чем-нибудь – грех смертный есть. Хотя честь у них и меньше учеников, однако же всегда ученики почитают их и дают честное место им, и что им надобится просить у них, не давать им – смертный грех, сказуют. Ничего у китайцев так не мерзко, как слово или дело, или признаки такие, в которых есть свирепство или ярость, и оттого они всегда гнев в ненависть таят и притворяются во всяких делах, и никогда не носят с собою никакого оружия.

Оружия же они и всяких воинских дел гораздо не любят, потому что, говорят они, оружие носить и войны делать – разбойническое дело, а не человеческое, ибо человеку подобает жить

между собою в совете и смирении, а брань и война – звериный обычай, а не человеческий. Имеют же служивых людей китайцы, точию они воинских людей ничем не почитают и к тому еще и поругаются, наипаче же у них учение в чести немалой имеется.

А гражданские дела, и почитание между собою, и посещение паче всех иных народов хранят, и всегда честное место дают старейшим. Гостю подают тому, который приехал из дальнейшей страны, не почитают они никого отчеством или именем, только столь старейшие, его позовешь, и столь честнее ему, однако же во оных названиях имеют они степени свои. А что же попросту «я» или «ты», те речи только говорит господин к слуге, а они между собою весьма учтиво повитаются, и знает всякий свою степень.

Привыкают же с молодых лет, как говорить с другими и как назвать себя и иного, а в гости между собою часто ходят и ко всем приходящим гостям благодатнейше суть.

И во всех поступках, в хождении и в славе весьма смиренны, что лучше невозможно тому быть, наипаче же начальные их люди, философы постоянство, учтивость, смирение и крайнюю доброту показывают. На улицах кричать или пьяну ходить, или шуметь, или глазами играть, то у них признак есть злого человека, а божиться или скверных слов отнюдь не услышишь. Когда же между собою витаются, руки вместе складывают и стоят оба равно, и кланяется один другому, говоря по своему языку «джа джа», учтивее ж «джинг», и правую руку держит гость. А когда ходят, с левой стороны держат, чтобы махалкою не отнимал ветер от другого, ибо каждый человек летом в руках носит махальце от жары. И оные вышеписанные речи, чтоб знал всякий о прямых китайцах, которые и никанцами именуются, написали. А богдойские, которые ныне владеют Китаем, иные имеют обычаи, как о том писали в книжице о татарах.

1675–1678

Петр Чаадаев

Петр Яковлевич *Чаадаев* (1794–1856), мыслитель и общественный деятель, чьи «Философические письма» (1828–1830) сыграли большую роль в становлении и развитии российской философии и общественного движения. Публикуемый фрагмент – из примечаний к шестому письму (см.: *П.Я. Чаадаев. Статьи и письма*. М., 1989, с. 1–13).

Из 6-го «Философического письма»

Из зрелища, представляемого Индией и Китаем, можно почерпнуть важные назидания. Благодаря этим странам, мы являемся современниками мира, от которого вокруг нас остался только прах; на их судьбе мы можем узнать, что случилось бы с человечеством без того нового толчка, который был дан ему всемогущей рукою в другом месте.

Заметьте, что Китай с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, всего более ускорили у нас прогресс человеческого ума: компасом, книгопечатанием и порохом. Между тем к чему они послужили ему? Совершили ли китайцы кругосветное путешествие? открыли ли они новую часть света? обладают ли они более обширной литературой, чем какую обладали мы до изобретения книгопечатания? В пагубном искусстве убивать были ли у них, как у нас, свои Фридрихи и Бонапарты?

О. Иакинф (Н. Бичурин)

Никита Яковлевич *Бичурин* (1777–1853), в монашестве (1800) архимандрит (1802), отец *Иакинф*, ученый и просветитель, переводчик и педагог, основоположник русского китаеведения, член-корреспондент АН (1828). Общественный деятель. Окончил Казанскую духовную академию, в 1807 г. был назначен начальником *девятой* русской духовной миссии в Пекине, где оставался до 1821 г. Владел латынью, греческим, французским языками, быстро овладел китайским, менее свободно маньчжурским и монгольским. Составил шесть различных по типу и по объему китайско-русских словарей, грамматику китайского языка (1835, 1838). Изучал (и изучил) страну изнутри, надев китайское платье, бродил по улицам китайских городов и ездил по провинции. По возвращении в Россию в соответствии с приговором духовного суда подвергся монастырскому заключению на о. Валаам (1823–1826), где написал многие свои работы. В 1830 г. с экспедицией *П.Л.Шиллинга* (1786–1837) выезжал в Кяхту (вторично 1835–1837), где организовал преподавание китайского языка. Письма Бичурина из Сибири печатались в «Литературной газете», «Телескопе», «Русском вестнике». В дальнейшем о. Иакинф большей частью жил в СПб. (в Александро-Невской лавре, в одной из келий которой и умер, всеми забытый), активно создавая и издавая свои основанные на глубоком знании первоисточников оригинальные и переводные с комментариями статьи и сочинения о Тибете, Джунгарии и Туркестане, Монголии, собственно Китае, о русской торговле с Востоком, которые неизменно вызывали интерес и отклики (не всегда, впрочем, благожелательные) многих, знавших его и глубоко уважавших, современников (*Н.А.Полевой, О.И. Сенковский, В.Ф.Одоевский, В.Г.Белинский, М.П.Погодин, декабристы; шесть Демидовских премий*). *А.С. Пушкин*, которому о. Иакинф, в частности, подарил свое «Описание Тибета», «с благодарностию» помещая в примечаниях к гл. 1 «Истории Пугачева» «большой отрывок из неизданной еще его книги», отмечал, что «глубокие познания и добросовестные труды [о. Иакинфа] разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком» (ПСС в 10 тт., т. VIII. М.-Л., 1951, с. 287). Велико было влияние о. Иакинфа на последующие поколения русских китаеведов, а его сочинения остались источником многих редких и ценных сведений.

Публикуемые главы – из книги о. Иакинфа «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (СПб., 1840) и «Взгляд на просвещение в Китае» (СПб., 1838).

Из книги «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»

ВЗГЛЯД НА ПРОСВЕЩЕНИЕ В КИТАЕ

Много говорили, много писали о Китае. Одни уверяют, что сие государство есть одно из просвещеннейших в Азии; другие положительно утверждают, что китайцы находятся в большом невежестве⁶. По моему мнению, и те и другие основываются на шатких началах. Чтобы безошибочно изложить свое мнение по сему предмету, надобно с большим вниманием обозреть состояние наук и приспособление оных к политическому быту народа, а потом делать заключение о степени его образования.

Круг просвещения в Китай ограничен тесными пределами. Он объемлет только четыре рода ученых заведений, более или менее сложные. Это суть: училища – часть наиболее сложная, институты педагогические и астрономические и приказ ученых, соответствующий академиям наук в Европе. В училищах занимают воспитанников одною словесностью, которая смешанно объемлет историю, поэзию, религию, правоведение и политическую экономию. Знание музыки и обрядов составляет существенную часть в образовании юношества; географии своего отечества, математике, химии, медицине, ботанике, архитектуре и гидравлике обучаются произвольно и без отдельного преподавания упомянутых наук. Все, что не нужно на службе отечеству, китайцы считают бесполезным и по сему предубеждению никакого не обращают внимания на то, что доньше сделано в Европе по части наук.

Педагогический институт занимается приготовлением учителей для училищ. В астрономическом институте исключительно упражняются в математических науках. Приказу ученых предоставлено сочинение книг, в которых ясность в изложении, верность в описании и сообразность с духом законодательства требуют общего усилия ученых. В последнем, по моему мнению, китайцы имеют преимущество пред образованнейшими в Европе народами.

В училищах нет никаких учебных книг, приведенных в систему, а в основание приняты Четырехкнижие и так называемые пять классических книг, которые по их древности признаны основными и имеют пред всеми прочими такую же важность, как у христиан Библейские книги. Сии пять книг суть: *Книга перемен*, *Древняя история*, *Древние стихотворения*, *Весна и Осень* и *Записки об обрядах*.

Четырехкнижие состоит из четырех разных небольших сочинений, известных под названиями: *Лунь-Юй*, *Мын Цзы*, *Великая наука* и *Обыкновенная середина*. *Лунь-Юй* содержит в себе мнения мудреца Кхун Цзы, записанные и собранные пятью его учениками. *Мын Цзы* есть нравственное сочинение одного древнего мудреца, известное под его же именем. *Великая наука* и *Обыкновенная середина* суть два нравственных сочинения. Первое из них написано ученым Цзэн Цзы, учеником мудреца Кхун Цзы, а второе написано внуком последнего. Четырехкнижие почитается вместилищем богословия и философии, а потому сия книга составляет основание первоначального учения⁷.

Книга перемен содержит в себе понятия о Боге и естестве, изложенные не словами, а параллельным начертанием трех цельных и трех ломаных линий, представленных в 64 разных видах. Государь Фу Си, живший, по уверению древних преданий, почти за 3000 лет до Р. Х., первым постиг тайну изображать помянутыми чертами мысли и сим открытием проложил путь к изобретению китайских письмен. Вслед за сим государь Ян Ди сделал некоторые изменения в его системе. Наконец, государь Вынь Ван за 1100 лет до Р. Х. написал третью систему, в кото-

⁶ Это очень нередко доводится мне слышать от ученых людей.

⁷ В Европе несправедливо называют Четырехкнижие философией мудреца Кхун Цзы.

рой к каждому из 64 расположений черт применил нравственное правило и в толковании объяснил последствия, происходящие от исполнения или нарушения оногo. Первые две системы сожжены за 213 лет до Р. Х., и даже не осталось никаких сведений о их расположении. Ныне существующая *Книга перемен* есть сочинение государя Вынь Вана.

Древняя история содержит в себе события Китайского государства с 2365 до 255 года до Р. Х., т. е. с 1-го года царствования государя Яо до падения династии Чжеу. Сия *История* составлена из дворцовых записок, в свое время ежедневно писанных придворными историографами, известными ныне при китайском дворе под названием придворных журналистов. Кхун Цзы, желая представить свою *Историю* основанием законодательства, исключил все несообразное со здравым разумом и чрез то сократил ее во сто глав. В 215 году до Р. Х. сия *История* имела общую с прочими книгами участь и совершенно погибла бы, если б в то же время не нашелся девяностолетний ученый, по имени Фу Шен, который на память мог прочесть 58 глав. Вслед за сим при разламывании дома, в котором жил Кхун Цзы, нашли экземпляр *Сокращенной древней истории*, скрытый в стене, который во всем сходствовал с пересказанным от Фу Шена.

Древние стихотворения писаны частью при династии Шан, почти за 1700 лет до Р. Х., а более при династии Чжеу, в исходе II и в начале последнего тысячелетия до Р. Х. Сии стихотворения состоят из 4 частей. Первая часть названа *Нравы царств*. Удельные князья собирали в своих владениях народные песни и представляли главе империи, который судил по оным о нравах и правлении в уделах, Вторая часть содержит в себе *Малые кантаты*, которые певались, когда глава империи принимал удельных князей или удельные князья угощали послов его. Третья часть названа *Большие кантаты*, которые певались, когда глава империи угощал удельных князей и посланников их или делал пиры для своих вельмож. В четвертой части собраны гимны, которые певались при жертвоприношениях, совершаемых главою империи в храме предкам своим или в храмах Небу и Земле.

Весна и Осень есть название исторических записок удельного княжества Лу, составлявшего южную половину нынешней губернии Шаньдун. Сии записки начинаются 722 и оканчиваются 481 годом до Р. Х. Кхун Цзы написал *Весну и Осень* таким слогом, выражения коего впоследствии приняты в истории положительными речениями в похвалу или порицание вельмож. Слог записок очень краток, и похвала или порицание кому-либо заключаются не более как в одном или двух словах.

Записки об обрядах составлены из собрания 185 древних мелких сочинений о музыке и обрядах. Дай Дэ, живший около времен Р. Х., сократил оные сочинения в 85 глав, а Дай Шеен, племянник его, еще сократил – в 49 глав, в числе коих занимают место *Великая наука* и *Обыкновенная середина*, помещенные в Четырехкнижии. Последнее сокращение включено в число пяти классических книг под названием *Записки об обрядах*.

В настоящее время Четырехкнижие и пять классических книг суть единственные книги, из которых малолетние дети вначале учат на память одни тексты, а с 13-го года преподают им то же с толкованием; тут же они начинают учиться сочинять.

Из сего краткого обозрения просвещения в Китае каждый усмотрит, что только четыре предмета заслуживают обратить внимание на них: училища, два института и учебный приказ. Рассмотрим каждый порознь.

УЧИЛИЩА

Училища разделяются на три разряда. В первом разряде поставлены училища общественные, или народные, во втором – уездные, в третьем – губернские.

Народные училища учреждены во всех городах и состоят под ведением местных начальств, которым предоставлена власть принимать в оные детей и увольнять их, как скоро

они не пожелают продолжать учение; определять к ним учителей из людей свободных, известных своею нравственностью и образованием. Ежегодно представляют попечителю училища списки как учащих, так и учащихся.

В сих училищах дети получают первоначальное образование, и как скоро получают на испытание степень студента, то переводятся в уездные училища. Но при сем должно сказать, что большая часть детей из достаточных домов учится у домашних учителей, и в народные училища более поступают бедные и сироты, потому что здесь пользуются учением без платы.

Уездные училища также находятся во всех городах, но состоят на особых правах, что ниже увидим во всей подробности.

Губернские училища находятся в губернских городах, по одному в каждом от правительства, и по несколько в губернии, основанных частными людьми. Казенные училища содержатся доходами с приписанных к ним земель. Начальникам губерний предоставлена власть определять частных учителей, избирая их из людей образованнейших, служащих и не служащих. В сих училищах образуются вольнослушающие, которые допускаются сюда по усмотрению председателя казенной палаты с губернским прокурором, а оставляют училище по собственному желанию. Из сего краткого обзора открывается, что училища первого и третьего разряда суть приуготовительные, в которых нет ни постоянного учения, ни постоянных учеников.

Уездные училища делятся на большие, средние и малые, иначе областные, окружные и уездные. Существенное различие между ними состоит не в разности преподаваемых предметов, а в числе студенческих вакансий. В большей части областных училищ штат студентов на четверть более против штата окружных, а штат окружных на треть более штата уездных училищ.

Достигшие достаточного образования в народных училищах или у домашних учителей являются в свой областной город на испытание, на котором получившие степень студента поступают в уездные училища, где они, став казенными воспитанниками, совершенно теряют право располагать выбором состояния и должности для себя. Они считаются кандидатами государственной службы, почему и обязаны продолжать дальнейшее образование под руководством казенных учителей, под непосредственным надзором начальства по учебной части. <...>

ПИЩА КИТАЙЦЕВ

Народы разных стран и климатов в употреблении снедных вещей наиболее руководствуются привычкою, а привычка приобретается избытком оных на месте долговременного их пребывания. Азиатские народы теплых стран питаются более рисом; народы жарких стран – плодами пальм; в Северной Европе хлеб ржаной, а в Южной – пшеничный составляют коренную пищу; кочевые питаются мясом и молоком животных, не разбирая породы их. Это мы говорим о коренной пище народов. Гастрономия усвоила себе снедное различных климатов, даже часто противоположных друг другу, но здесь также много действует привычка, которой подчиняются даже и прихоти вкуса. Только нужда и голод на время изменяют нашу привычку и приневоливают иногда употреблять такие снеды, к которым мы от самого рождения имеем отвращение. Истины сии столь очевидны повсюду, что не требуют ни объяснений, ни доказательства.

В Северном Китае хорошо родится просо и пшеница; рис сеется в небольшом количестве, почему и коренная пища северных китайцев состоит в каше из разных прос. В Пекине и других городах употребляют для сего и рис, но более доставляемый из южных стран; в Южном Китае наоборот. В приправу для вкуса бедные обыкновенно употребляют шенкованную редьку или другой какой-либо овощ и зелень соленые. Очень немногие, и то изредка, лакомятся вареным или жареным мясом. Напротив, достаточные употребляют говядину, свинину, баранину, поросят, куриц, уток и разную рыбу, к которой причисляются черепахи, снедные лягушки, речные

раки, круглые раки (морские пауки), мясо речных раковин и улиток; из дичины: кабанов, оленей, козуль, зайцев, фазанов, куропаток, рябчиков, перепелок, овсянок, воробьев, турпанов. Крестец оленя считается чрезвычайно лакомым кушаньем и стоит дороже самого оленя. Все упомянутое принадлежит к разряду чистых снедей. В губернии Фуцзянь и в некоторых других местах жирный щенок собачий, а в губернии Гуандун мясо полоза (большого змея сероватого) составляют лучшее блюдо в этикетном столе. Мясо домашних гусей считают грубым, и потому не употребляют их в пищу. Бедный класс, при полном недостатке всех средств к пропитанию, ест все без разбора: верблюжину, коневину, ослитину, собак, кошек, жесткокрылых насекомых, разных зверьков и птиц нечистых, даже самоиздохших. При неурожае хлеба едят лист с разных деревьев и корни полевых трав, отваренные в воде. Но в съестных трактирах, особенно в больших городах, ничего нечистого в приготовляемых кушаньях не употребляют.

Из пшеницы делают одну крупитчатую муку, часто с примесью бобовой; лучшая мука – из риса. Из муки приготовляют сдобные хлебцы и пирожное в многообразных видах, а также квашенные булки. Крахмал из корней лотоса и сараны употребляют в вид киселька больные и на завтраках. Из муки просяной, гороховой, ржаной и гречневой пекут булки для рабочего народа, но в самом малом количестве. Рожь родится только по северной границе, и более идет на винокурение и в корм скоту.

Для приправы кушаньев употребляют ласточкины гнезда, перья акулы, черных морских червей (хай-шень)⁸, голубиные яйца, разные свежие и сушеные грибы, корневые ростки бамбука, морскую капусту, оленьи и воловьи жилы, уксус, горошчатый перец, свежий имбирь, развертывающиеся росточки пахучего ясеня, разную огородную зелень, как-то: петрушку, пастернак, шпинат, капусту, салат, портулак, чеснок, разные виды лука, молодые стрелки чеснока, малороссийскую лебеду, белую и красную; из овощей: различные виды тыкв, огурцы, морковь, репу, паровую редьку, бредовку, брюкву, горчичный корень, китайский картофель. Но китайцы в приправу вовсе не употребляют ни корицы, ни гвоздики, ни мушкатного цвета. Небольшой отзыв сими вещами производит в китайце позыв на тошноту. Господствующий вкус требует, чтобы менее было соли в кушанье, почему солят разную зелень и овощ для употребления вместо соли, которой не подают на стол.

В домашнем столе шей и супов почти не бывает, место их занимает пряженое мелко изрубленное мясо. Для сдобливания и пряжения употребляют только кунжутное масло и вытопленное почечное свиное сало. В Китае нет скотоводства. Говядину, масло коровье и баранов доставляют из Монголии, почему из китайцев только живущие по северной границе, а также маньчжуры и монголы, переселившиеся в Китай, могут употреблять говядину, баранину, коровье масло и молоко. Южные китайцы брезгуют этими вещами так же, как в Европе брезгуют падалью и всякою нечистою пищею; даже торг ими исключительно предоставлен окитаившимся туркестанцам, которые очень многочисленны в северной половине Китая. В их только лавках можно найти молоко и кушанье из баранины.

Общий вкус китайцев в приправе кушанья близок к европейскому. Небольшая пряность и кислота необходимы. Для первой употребляют свежий имбирь и горошчатый перец, а для второй – вид красного теста из гороховой муки, выкиснувшего с солью. В соусные подливки вместо пшеничной муки кладут крахмал из индийской чечевицы.

Пищу приготовляют не на очагах, не в печах и не на плитах. Вместо этого складывают из кирпича низенькие печки *лу-цзы* в виде жаровни – с двумя небольшими отверстиями, из коих одно внизу сбоку, а другое – сверху посередине. Эти отверстия имеют от 3 до 4 дюймов в поперечнике. Через верхнее отверстие кладут каменный уголь в жаровую тушу, где он ложится на железные поперечинки, а огонь разводится и поддерживается через нижнее отверстие сбоку. Над огнем верхнего отверстия варят кашу в глиняных котелках, соусы и жаркие готовят в

⁸ Принадлежат к роду холотуриев – морских кубышек.

чугунных чашах и железных ковшах. Медной посуды не имеют, исключая нелуженых чайников для согревания воды на чай. Хлебцы и пирожное пекут в чугунных чашах и на противнях с крышкою или в деревянных обечайках с решетчатым дном, который – одна над другою в несколько рядов – ставятся в чугунную чашу над паром кипящей воды, и сверху плотно накрываются. Последним способом вообще подогревают все холодные кушанья. Есть печи с жаровою тушею – *цзао*, складываемые в виде наших каминов, но без дымового отверстия, которое, как у русских печей, делается снаружи. В сих печках, не закрывая дымового отверстия, жарят уток, поросят, баранов и свиней, вешая их на крючья в печи, а жар сгребают в устье печки. От сего огня кожа на жарком без пригори так прожаривается, что рассыпается во рту, и чрезвычайно бывает вкусна. Жарятся иногда цельные штуки или части и на вертеле – над прогоревшими углями.

Китайцы не употребляют ни ножей, ни вилок при столе, а всякую пищу, исключая жидкую, берут двумя палочками, имеющими от 8 до 10 дюймов длины, почему мясо и проч. для удобства брать палочками готовится изрезанное в кусочки. Жареное целыми штуками или большими частями подается на стол, разрезанное на кусочки, а в похлебках целые штуки или части увариваются до такой мягкости, что и палочками очень легко отделять от них небольшие кусочки. Употреблять похлебки ложками – не в обыкновении, почему и ложек, если нужно, подают на стол не более двух для нескольких человек. Ложки у них фаянсовые или фарфоровые маленькие.

Китайцы обыкновенно едят по три раза в день. В пять и шесть часов утра подают завтрак (*дянь-синь*), в 9 и 10 часов – обед (*цзао-фань*), между 5 и 9 часом пополудни – ужин (*вань-фан*). При завтраке употребляют различные хлебцы с чаем, пирожное, паром печенное в виде подовых пирожков, лапшу в бульоне, просяную кашу, иногда с мелко изрубленной солониной, кисельки из лотосовой или саранной муки и горячую воду с солью и выпускным яйцом. Сдобные хлебцы, перенятые у европейцев, хороши на вкус; собственные же их, замешанные на сале и начиняемые иногда салом и сахаром песчаным, очень невкусны. Для употребляющих молоко делается мучной чай, который густо разводят мукою с подбавкою молока и сахара.

Для домашнего обеденного стола нет правил в приборе и подаче кушанья; что назначают, то и готовится. Напротив, стол, приготовляемый для гостей, обыкновенно состоит из пяти блюд с холодными и жаркими и четырех чашек или мис с разными похлебками. Иногда прибавляют к ним четыре тарелочки с мелко искрошенными жаркими. Едят все кушанья без хлеба, прикусывая для вкуса солеными овощами. Вместо хлеба уже при конце стола подают каждому по чашкевареного риса, из которого отвар сцежен, лапшу без бульона и перьмени⁹. В продолжение обеденного стола пьют ликеры, водку и хлебное вино – все подогретое, что придает спиртным напиткам большую крепость и приятность. Пьют вообще весьма мало, почему и чарочки для крепких напитков делаются не много более русского наперстка. Вечерний стол для гостей называется *цзю-цай*, что значит «винная закуска». Обыкновенно подаются при сем столе четыре тарелочки со свежими, если находятся, и четыре с сушеными плодами, четыре тарелочки с обсахаренными или сухими ядрами, в числе которых занимают место сухие арбузные и тыквенные семена и огородные бобы поджаренные; четыре тарелочки с копчеными мясами и т. п., четыре тарелочки с разными жаркими, четыре – с пирожным и нередко четыре чашечки с соусами. Каждое из сих отделений подается одно за другим в изложенном мною порядке, и опорожненные тарелочки не снимаются до тех пор, пока не придет время подавать на стол летом утку и поросенка, жаренных в печи, а зимою самовар, в котором набраны различные мяса и приправы в бульон. Фазан, желудочки домашней птицы, цыплята, почки и филейное

⁹ Китайские перьмени (пельмени. – А. Р.) делаются трех видов: круглые *хунь-тхунь*, маленькие плоские *бянь-ши*, большие ухообразные *чжоу-бо-бо*. Первые варятся в воде, а подаются на стол в крепком бульоне; последние оба варятся в воде, по сцежению которой подаются на стол горячие и употребляются с уксусом или соею и толченым чесноком; начинка во всех перьменях из свинины. В Пекине в Новый год каждого гостя потчуют перьменями *чжоу-бо-бо*.

мясо свиные, белая утка, карп, белый угорь и бамбуковые ростки считаются самыми лакомыми яствами. Вечерний стол заключается так же, как и обеденный, лапшою, перьями или вареным рисом, что иногда приправляется подливками из-под жарких. Вечерний стол начинается винами, только не спиртными, а квашенными из риса. Сии вина суть *шао-син* и *му-гуа*. Первое идет из области Шаосинфу и называется шаосин-цзю:, второе делается из айвы му-гуа, отчего и называется му-гуа-цзю. Вина подаются подогретые, от чего они теряют свойственную им крепость во вкусе.

В продолжение стола занимаются разговорами или импровизациею стихов, пением песен или игрою *ламорра* (итальянское слово), в которой проигравшей пьет чарку или полчарки вина. Чарочки для квашеных вин вдвое более чарочек спиртных. По окончании стола обыкновенно берут ивовые зубочистки – точно такие, какие подаются к столу в Португалии, закуривают трубки, пьют по чашке крепкого чая, который способствует к переварению жирных яств, жуют арек и расходятся.

Столы вообще четверугольные в $1\frac{1}{4}$ и в высоту и в ширину. Когда гостей много, то не сплочивают столов, а отдельно сажают за каждый стол по четыре, в случае же нужды по шести человек. Столов не накрывают скатертями, а с лицевой стороны одевают красным сукном. За стол садятся в креслах с перекинутым чрез спинку красным сукном; на стульях и табуретах, запросто на скамейках. Салфетку каждый гость должен иметь собственную. Для каждого ставится на стол прибор, состоящий из пары палочек и тарелочки с соей или уксусом, которой до конца стола не переменяют. Как вообще мало кладут соли в кушанья, то как при обеденном, так и при вечернем угощении прежде всего подают на стол несколько тарелок с пикулями и разным соленым овощем; здесь почетное занимают место порей и чеснок сырые. Гости берут палочками любое кушанье и, обмакивая в уксус, употребляют, закусывая в то же время солеными прикусками. По окончании стола каждый берет свои палочки обеими руками за концы и приподнимает пред собою горизонтально – в одно время с прочими. Это знак вставания из-за стола.

Таковы суть общие правила угощения китайского обеденным и вечерним столом, но должно заметить, что нет правил без исключения, особенно в гостиницах, где кушанья готовятся по назначению гостей. В Китае обычаи по сему предмету очень разнообразны. Этикетные столы при дворе и у высших чиновников в образе приготовления кушанья мало разнятся от общих способов, но в церемониале потчевания со всеми другие приемы употребляются.

В Китае найдено и обыкновением упрочено средство получать вспоможение в нужде самым простым и легким образом. Это средство называется *фьнь-цзы*, что значит «доля», «пай»; просьбу о таком вспоможении выражают словами *цин-фьнь-цзы*, что значит «просить вынести долю». Это с первого взгляда кажется сколько непонятным, столько же и странным; но дело вот в чем состоит: имеющий нужду в деньгах по какому-либо случаю в доме, напр., на женитьбу сына и проч., делает обед, к которому приглашает своих родственников и друзей по билетам, и каждому из них дает еще по несколько лишних билетов для приглашения посторонних, желающих провести несколько часов в приятном отдыхе. В сем случае дозволяется приглашать людей вовсе не знакомых хозяину. В назначенное время гости съезжаются, и каждый стоящему при входе человеку отдает свой билет со вложением серебра. Хозяин приветливо встречает гостей и просит каждого к столу, за которым пожелает сесть; а в сем случае всегда избирают собеседников, знакомых гостю. Угощение исправляют в доме или гостинице. В первом месте оно ограничивается одним обедом, а в гостинице продолжается с осьми часов утра до вечера и состоит из завтрака, обеда и ужина, в продолжение которых беспрерывно играют актеры на сцене. Подобные угощения в домах вельмож исправляются по церемониалу. Цена обеда назначается смотря по приготовлению. Каждый из приглашенных обязан приложить не менее условленной цены, а родственники и друзья прикладывают по давнему с хозяином соглашению. Принимающий билеты записывает каждого гостя с показанием его приноса. Впослед-

ствии и хозяин, если кто-нибудь из бывших у него гостей просит его на подобный же обед, обязан отнести каждому столько же, сколько получил от него. Это есть средство взаимного вспоможения, сопряженное с удовольствием дружеского препровождения времени в большом кругу знакомых и незнакомых. Посторонние, приходящие по приглашению, не ищут взаимосоответствия, почему чем более приглашенных побочным образом, тем выгоднее для хозяина. Совершенно в другом виде это происходит, когда начальник приглашает своих подчиненных. Последние не смеют искать взаимосоответствия, а приложение при их билетах должно быть тем значительнее, чем выше достоинство приглашающего лица. Так по большей части китайцы празднуют день рождения, а впоследствии исподволь уплачивают что принесено было гостями по пригласительным билетам. Но многие делают подобные угощения и без нужды в деньгах, а только для продолжения дружеских связей между собою. Такое обыкновение несколько походит на русские складчины, но в отношении к цели имеет другое назначение. Европейцы привыкли насмешливым образом описывать те иностранные обычаи, которые не имеют сходства с их отечественными обычаями.

О. Сенковский

Осип (Юлиан) Иванович *Сенковский* (1800–1858), стяжавший в русской литературе бессмертную славу как беллетрист *Барон Брамбеус*, был талантливейшим востоковедом, полиглотом, владевшим арабским, персидским, турецким, китайским, монгольским, тибетским языками. В 1822–1847 гг. он состоял профессором Санкт-Петербургского университета, преподавал разговорный арабский. В 1828 г. стал членом-корреспондентом АН. В апреле 1829 г. Сенковский подал по начальству записку об учреждении в университете «особого полного класса восточных языков» (т. е. восточного факультета). В 1834–1847 гг. (формально до 1856 г.) он издавал и редактировал знаменитый журнал «Библиотека для чтения», где печатались многие его статьи и работы, в т. ч. по востоковедению, о путешествиях по странам Востока. К Китаю он питал особенный интерес, о чем, в частности, свидетельствуют его постоянные, не всегда, правда, вполне положительные и объективные отклики на книги о Иакинфа (Бичурина), в том числе и две его большие статьи «Китай и китайцы», 1849 (Собр. соч. Сенковского. Т.6. СПб., 1859), из которых ниже печатаются фрагменты. См. также: *В. Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского*. М., 1929, 1966.

Из статьи «Китай и китайцы»

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНИЯ О. ИАКИНФА «КИТАЙ В ГРАЖДАНСКОМ И ПРАВСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ». 1848. ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

Никто, бесспорно, не сделал в Европе столько для славы и чести Китая, как наш знаменитый русский синолог. Каждое новое творение почтеннейшего отца Иакинфа – новый монумент, воздвигнутый истории, внутреннему благоустройству, мудрости или промышленности великого народа Азии, защищаемого и любимого им тем справедливее, что никто лучше его не знает этого *вечного государства*, о котором во многих отношениях господствовали на Западе многие сбивчивые понятия еще весьма недавно, несмотря на проницательность ориенталистов, посвятивших себя изучению самой восточной части Востока. Число важных, капитальных фактов, извлеченных им из тьмы китайской грамоты, количество света, пролитого им на самые запутанные вопросы по части истории и законодательства этой любопытной страны, почти невероятны. Сколько предметов, прежде непонятных или чрезвычайно затруднительных даже для синологов, объяснились самым и простым и неожиданным образом, с тех пор как он взял перо в руку! Указание на них, к сожалению, здесь невозможно, потому что каждая такая статья потребовала бы длинных пояснений, для читателей, непричастных путанице китайской филологии, но, тем не менее, права почтеннейшего отца Иакинфа на признательность ученого света несомненны. Если столь богатые приношения на пользу науки не все известны западной эрудиции или не все вполне прославились в ориентальном мире, причиною тому, конечно, отчасти самая форма его сочинений, так сказать, слишком китайская: несколько той ясности, той увлекательности изложения, которые так нравятся нам, *западным варварам*, много содействовали бы к громогласной известности трудов его, не уменьшая вовсе их важного, основательного и ученого характера. Почтенный наш синолог так горячо любит все китайское, до того сроднился с китайщиною, с манерою поднебесных писателей, с особенными оборотами самой крайней восточной мысли, что большею частью русская его фраза, кажется, как будто носит над суровым лбом и сжатыми в лаконизм губами мандаринский золотой шарик первой степени; она, несомненно, привела бы в восторг весь пекинский Приказ десяти тысяч церемоний, и оттого не может она иметь большого успеха на Западе, где церемонии в слог не сравненно хитрее и где притом церемонии эти совсем другие.

Те, которые подумают, будто мы осуждаем нашего синолога за это пристрастие к Китаю, за таковой мандаринский слог его, не поймут вовсе нашей мысли. Мы желаем только указать на весьма примечательное действие китайской атмосферы на западных людей и вообще на иностранцев. В этом инозданном народе есть какая-то притягательная сила, которой влияние непреодолимо и постоянно. Скорее чем Рим пошлого титла своего *Вечный город*, тем более неуместного, что рядом с Римом есть города древнее Рима, Китай достоин беспримерного отличия – получить название *Вечного государства*. Все прочие царства, рушившись однажды, преобразовались в различные политические тела, дали на своих развалинах места другим народам, другим языкам, понятиям, нравам, верам, законодательствам. Китай, напротив, неизгладимый и неизменный с незапамятных времен, разрушался раз двадцать, десять раз делался добычею чужеземников, каждый раз переменял название и все-таки остался Китаем – с теми же нравами, с теми же понятиями, с теми же законами, как за четыре тысячи лет. Приливы инородных начал, народностей и народонаселений не размыли его, не перекрасили, даже не обесцветили. Всю насильственную примесь чужого, какую бы она преобладающею ни казалась сначала, он весьма скоро переварил в недрах своих, уподобил себе, превратил в чистую кровь китайскую. Это необычайное нравственно народное явление, может статься, объясня-

ется тем физическим законом, который служит основанием прочности вселенной: чем огромнее и плотнее центральная масса, тем сильнее притягивает она к себе все окружающие меньшие массы. А масса китайщины огромна! Сказать – Китай, значит сказать – половина всего человечества, не более и не менее. На пространстве, почти равном Европейской России, толпится там с лишком четыреста миллионов человек, а на всей земле считается не более восьмисот пятидесяти или девятисот миллионов. Половина человечества!.. и в одном месте!.. в одном народе!.. под одною формою!.. Подумайте только, какую страшную увлекательную силу должна эта необъятная нравственная масса извергать на все, что погружается в сферу ее действия. В этой силе есть что-то похожее на чародейство. Нет ничего легче, как *окитаиться*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.